



# ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Ф. ТАКОЕВА

## КОСТА ХЕТАГУРОВ — НАРОДНЫЙ ПОЭТ ОСЕТИИ, ЭТНОГРАФ-КАВКАЗОВЕД

Осетинский народ, создавший богатое устное творчество, до конца XIX в. не имел своей литературы. Создателем осетинской литературы и литературного языка был осетинский народный поэт, революционный демократ Коста Леванович Хетагуров.

К. Л. Хетагуров, писавший на осетинском и русском языках, сочетал в своем лице выдающегося писателя — создателя осетинской поэзии, блестящего публициста — борца за интересы трудящихся масс и талантливого художника. Со страстью поэта — революционного демократа Коста Хетагуров, будучи глубоким знатоком жизни кавказских горцев, разоблачал колонизаторскую политику самодержавия и хищническую эксплуатацию народа местной и пришлой феодальной знатью и буржуазией.

Хетагуров был глубоким знатоком жизни кавказских горцев. Творчество поэта было органически связано с жизнью и нуждами родного народа; оно не могло не отразить во всей полноте этнографические особенности народа. Произведения Хетагурова живут полной жизнью, той обстановкой, из которой заимствован их сюжет.

Особенно много этнографических сведений в произведениях Хетагурова, написанных на осетинском языке. У него нет искусственности в описании этнографического материала, нет стремления к выделению экзотических, специально «кавказских» сюжетов. Его описания — реальная жизнь народа. Он придавал особое значение всестороннему этнографическому изучению кавказских горцев, подчеркивал, что пройдет «еще несколько десятков лет, — и заглянуть в прошлое туземцев Кавказа, доживших с незапамятных времен до XX столетия без своей собственной письменности, будет совершенно невозможно»<sup>1</sup>. Он написал этнографический очерк о своей родине — Нарской котловине (Алагирское ущелье) и призывал интеллигентных туземцев края последовать своему примеру.

Характерной особенностью поселений нагорной полосы Осетии являлось расположение их на крутых горных склонах, защищенных со всех сторон. Хетагуров отмечает в этнографическом очерке это обстоятельство и поясняет, что выбор места для поселения определялся малоземельем, необходимостью использовать под пашни каждый клочок удобной земли, а также необходимостью защиты от набегов воинственных соседей. В поэме «Плачущая скала» (осетинская легенда) читаем:

<sup>1</sup> К. Хетагуров, Быт горных осетин (этнографический очерк), Сталинир, 1939, стр. 3.

Как гнезда, по крутым карнизам  
 Необитаемых руин  
 Рядами на утесе сизом  
 Лепились сакли осетин.

В стихотворении «Завещание» (на русском языке) Хетагуров снова возвращается к этому сюжету:

Ты помнишь теснину за черной скалою,  
 Где, пенясь, два горных потока шумят  
 И, дружно обнявшись, веселой волною  
 Струи свои к морю беспечно катят...  
 Где в складках утеса, над страшным обрывом,  
 Гнездится отважно аул небольшой,—  
 Там в сакле, у башни, подернутой дымом,  
 Меня ожидает отец мой больной...

В характере аулов нагорной полосы XIX в. сохранялась их связь с бывшим районом родовых поселений. Хетагуров отмечает, что для горной Осетии характерно множество мелких поселений. «На квадратной версте таких поселений можно насчитать с десяток. Каждая семья, захватив известный район, селилась особняком и затем, разветвляясь по мере своего разрастания, за недостатком места в родовом поселении строила в возможной к нему близости новый отселок. Это очевидно из того, что в Нарской котловине нет почти ни одного поселения, жители которого не были бы связаны самым близким родством»<sup>2</sup>.

Из приведенного описания ясно видно локальное расселение (в пределах естественно ограниченной территории) выделившихся из разросшихся семейных общин родственных дворов. Хетагуров описал жилища в Нарской котловине и горной Осетии<sup>3</sup>. Постройки здесь, пишет он, за ничтожным исключением все каменные, из плитняка, без цемента. Поверх стен проложены балки, поддерживаемые столбами. На балках положена настилка из кругляков и в редких случаях из пластин. На кругляках лежит хворост вперемежку с соломой и, наконец, слой глины, с мелким щебнем. Внутренние стены жилых помещений смазываются глиной с примесью свежего навоза. Хетагуров отмечает особенность горных осетинских жилищ: низкие двери топорной работы, сделанные без участия пилы и рубанка, без железных частей (петель, замков).

Характерной особенностью крестьянского жилища в дореволюционной горной Осетии являлось то, что рядом с жилым помещением (хадзар) находилось помещение для скота, а дымная и темная сакля разделялась очагом с открытым дымоходом на две половины — мужскую и женскую. Подробное описание обеих этих половин дано Хетагуровым в этнографическом очерке. Здесь же он отмечает: «Существенное отличие жилищ сильных от прочих выражалось в том, что у них для лошадей, рогатого скота, овец и коз имелись конюшни, базы и овчарни, следовательно, их хадзар не был пропитан ароматом навоза. Кроме хадзар у них были и другие, более чистые помещения — уат с камином для женатых членов семьи, и для гостей такой же конструкции — уазагдон, убранный коврами и дорогим оружием. Нужды нет, что конюшня, хлев и овчарня помещались в нижнем этаже, хадзар в третьем, уазагдон и галерея в другом корпусе и кладовая в пещере под башней»<sup>4</sup>.

Условия военно-родового, а затем феодального быта вызывали необ-

<sup>2</sup> К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 5.

<sup>3</sup> Там же, стр. 9—13.

<sup>4</sup> Там же, стр. 11.

ходимость строить укрепления, каковыми были каменные галуаны с каменной башней (масыг), игравшей оборонительную и наблюдательную роль. Башни складывались из громадных каменных плит на особо прочном цементе, так скреплявшем камни, что отделить их было невозможно. Осетинская башня строилась в три и более этажей (до семи) и имела форму четырехугольной усеченной пирамиды. Хетагуров отмечает: «Это делается с целью большей устойчивости»<sup>5</sup>.

В поэме «Плачущая скала» дано описание постройке такой боевой башни как оборонительного пункта:

Исток глубокого ущелья  
Народ решил без замедленья  
Украсить башней боевой.

С распадом родового строя башни сохранялись как укрепления, принадлежавшие выделившейся из распавшегося рода верхушке. Коста пишет: «У тыхджин мыггаг<sup>6</sup> имелась фамильная башня 5—7 ярусов, в которой могли при обороне укрыть от неприятеля все население аула с его утварью и жизненными припасами». Далее автор отмечает, что в конце XIX в. сохранившихся в целости башен уже не было, — они были разрушены царским правительством.

Хетагуров останавливается на описании жилища крепостного крестьянина кавдасарда: «Жилищем отделившегося от отца кавдасарда на первое время служил обыкновенно какой-нибудь старый, заброшенный хлев с единственным отверстием, заменявшим и двери, и световое окно, и дымовой проход, с плетневой заслонкой на ночь и от непогоды».

Имущественная и сословная дифференциация в осетинском ауле к XIX в. зашла далеко. В дореформенный период в Дигории и Тагаурии преобладали феодальные отношения. В Алагиро-Наро-Мамисонском и Куртатинском ущельях в большей мере сохранялся патриархально-родовой уклад, но имущественная и сословная дифференциация происходила и там. После крестьянской реформы капитализм проникает в сельское хозяйство, появляется новый эксплуататорский класс — кулачество.

Имущественная и сословная дифференциация осетин нашла яркое отражение в творчестве Хетагурова. Поэт выступает упорным борцом за интересы трудящихся масс, за свободу народа. В дореволюционной литературе существовала теория, согласно которой феодализм в Осетии возник в результате исключительно внешних влияний (грузинского и кабардинского феодализма). Среди сторонников этой теории находился и такой крупный ученый, как М. М. Ковалевский. Теория эта была необоснованна, она игнорировала внутренние социально-экономические причины, приведшие к распаду первобытно-общинного строя и к возникновению феодализма. Говоря о сословном делении в Нарской котловине, Хетагуров выступает против этой теории и указывает на то, что привилегированное сословие у осетин появляется в результате имущественного расслоения и возникновения частной собственности: «Переходя от поколения к поколению, это предпочтение сильного и богатого слабому и бедному, конечно, должно было здесь создать ту рознь, которую многие приписывают чужеземному происхождению, настаивая на том, что влиятельные осетины происходят от разных инородных султанов, шахов, беков, ханов, принцев, князей и т. д.»<sup>7</sup>.

Другие дореволюционные авторы (Кодзаев и др.), стоявшие на позициях буржуазного национализма, стремились затушевать наличие классовых противоречий у осетин, а потому отрицали классовое рас-

<sup>5</sup> К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 9.

<sup>6</sup> Тыхджин мыггаг — большая и сильная фамилия.

<sup>7</sup> К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 5.

слоение и говорили о наличии родового строя в неприкосновенном виде и в XX в. Хетагуров в цитированной выше работе обстоятельно описывает сословное расслоение в Нарской котловине. Он указывает, что здесь имелись стыр тыхчин мыггаг — большие или сильные фамилии. «Лучшие нивы, леса, луга и пастбища принадлежали им. Поселения их были неприступны, башни — «литые» из тесаного камня, на известковом цементе. В набегах за перевалами главную и руководящую силу составляли они, и при делении добычи львиная доля доставалась им». Громадное большинство населения Нарской котловины составляли лично свободные крестьяне — фарсаги. «Поселения их, — пишет автор, — не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильным»<sup>8</sup>.

Кавдасардами<sup>9</sup> назывались крестьяне, происшедшие от «незаконного» брака представителей сильных фамилий с женщинами из семей очень бедных фарсагов или кавдасардов. Коста пишет: «Положение детей от номылус<sup>10</sup>, помимо их оскорбительной клички — «кавдасард», было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе». Автор указывает на наличие в Нарской котловине рабов (приобретенных на стороне), которых можно было продать, купить, убить и помиловать; эта категория (алхад, саулаг или цагайраг) была немногочисленна.

В своих публицистических статьях Хетагуров неоднократно характеризует сословную и имущественную дифференциацию осетин. Наиболее ярко изображена эксплуататорская сущность и враждебность осетинских феодалов (баделят и алдаров) народу в его статье «Внутренние враги», где он пишет: «Осетинские так называемые «алдары», «тауби» и «баделята» нисколько не отстают в своих претензиях от грузинских «тауади» и «азнаури», хотя, к счастью, у последних руки много короче, чем у грузинских «тауади» и «азнаури».

Хетагуров излагает историю захвата крестьянских земель феодалами. Далее он пишет: «Когда в стране ничтожная кучка самообольщенных начинает агитировать против трудолюбивого и обремененного до крайности населения, то такую кучку людей не только нельзя не считать своими единоплеменниками, но прямо самыми злейшими врагами экономического и нравственного благополучия одноплеменного населения. Это — враги внутренние, которым для общей пользы давно пора бросить бессмысленную рознь с народом»<sup>11</sup>.

Большая часть произведений Хетагурова описывает жизнь трудящихся Осетии. Труд горца, его борьба с эксплуататорами, его быт — занимают центральное место в творчестве Хетагурова. У древних скотоводов-осетин большую роль в хозяйстве играл пастух. Он должен был обладать сметливостью, расторопностью, смелостью. В условиях родового быта пастух пользовался почетом и уважением. В хозяйстве феодала пастухами были зависимые или крепостные крестьяне, эксплуатируемые им. У крестьян пастухом бывал нанятый сообща бедняк, у кулака пас скот его батрак. Горькая доля пастуха и пастушеский быт описаны поэтом в ряде его произведений. В бытовой поэме «Чи да?» («Кто ты?») (на осетинском языке) перед нами проходит жизнь бедняка-пастуха. Поэма начинается словами:

Не спрашивай — кто ты.

— Я не из дворян . . .

<sup>8</sup> К. Хетагуров, Указ. раб., стр. 8

<sup>9</sup> Кавдасард — рожденный в яслях; так называли крепостных крестьян.

<sup>10</sup> Номылус — «жена по имени», вторая, «незаконная» жена феодала, из крестьянок.

<sup>11</sup> Статья Хетагурова «Внутренние враги», газета «Северный Кавказ», № 83 от 14 июля 1901 г., за подписью Нарон.

и заканчивается так:

Кто я? —  
Одинокий, вот имя мое!

«Одинокий» рассказывает свою жизнь, начиная со дня рождения. Как известно, у многих кавказских народов в дореволюционном прошлом женщина рожала в хлеву.

Так слушай... в горах я,  
Как птица, живу.  
Здесь мать родила меня  
В грязном хлеву, —  
Другого она ожидать не могла —  
Для матери не было чище угла<sup>12</sup>.

«Одинокий» рано остается сиротой. Начинается его трудовая жизнь. Мачеха, справляя по адату поминки по отцу, промотала все хозяйство, даже продала землю. «Одинокий» остается без средств к существованию. Сначала он подпасок — уалыгас, рангом ниже пастуха, и получает меньшую, чем пастух, плату, иногда совсем не оплачивается, работая лишь за пропитание.

И пас я овец	На жесткой соломе,
У стремительных рек	Как пес ночевал...
За миску похлебки,	Подпаском я был,
За черствый чурек.	«Да-да-дай» распевал».

«Одинокий» рос и, наконец, стал пастухом. Распространенным способом оплаты пастуха была отдача ему части приплода (ласкдзаран) или оплата зерном. Хетагуров описал обе формы оплаты пастуха, упомянув термин «март» — мера зерна, равная 6 килограммам.

И вдруг в пастухи  
Пригласили меня.  
Я стал получать  
Десять мер ячменя.

Положение пастуха лучше, чем подпаска, но и пастух был бесправным и эксплуатируемым.

Но бит чем попало  
Частенько бывал,  
А все ж «да-да-дай»,  
Как всегда, распевал.

«Одинокий» вырос и стал мечтать о своем хозяйстве, но жизнь заставила его итти в батраки.

Руками такими	Пришлось мне итти
Пахать бы поля,	К богачам в батраки...
Да только ушла	Мне все удавалось,
На поминки земля.	Все было с руки!

К описанию тяжелой жизни пастуха в дореволюционной Осетии поэт обращается неоднократно. В прекрасной популярной поэме «Кубады» автор дает трогательный образ горца-пастуха. Кубады — безродный бедняк, живет пастухом у помещика (алдара) в тяжелых условиях, но сохранил нежное, любящее сердце. Зимой из своих арчита (род обуви из воловьей кожи), набитых для тепла сеном, он вытаскивал

<sup>12</sup> К. Хетагуров, Кто ты?, «Осетинская лира», Перевод Е. Благиной, М., 1939.

сено, чтобы покормить им скотину. Но вот у Кубады большое горе: теряет часть господского стада и, чтобы избежать сурового наказания со стороны алдара, Кубады, пригнав скот в аул, бежит в Дигорию, а там в Кабарду и Грузию, становится профессиональным певцом-сказателем.

В жару, в бурани  
Он в шубе рваной  
Свой путь свершает.  
Дрожат колени...  
Но кто в селеньи  
Певца не знает<sup>13</sup>?

В стихотворении-сказке «Ласкдзаран» описана жизнь пастуха-бакара. У одноглазого циклопа-великана жил в пастухах бедняк на условиях ласкдзаран, т. е. с оплатой частью приплода. Циклоп поедал весь приплод, и делить было нечего. Бедняк стал требовать расчета. Тогда циклоп поставил ему условие; если разгадает он девять хитрых загадок, то получит все стадо, если же нет, то весь труд его пропадет<sup>14</sup>.

В образе циклопа, пожирающего приплод скота, поэт изобразил эксплуататора, присваивающего труд бедняка-пастуха. Как указано в комментариях к первому тому академического издания собраний сочинений К. Хетагурова, в основу стихотворения «Ласкдзаран» поэтом положены две художественно обработанные им народные сказки «Дзырдма дзырарын» («Отгадывание загадок») и «Гады ныхасты аргау» («Сказки о небывлицах»)<sup>15</sup>.

Ночлег пастухов и стад на летних пастбищах (уатарта) описаны в стихотворении «Ночлег» (на русском языке), а пастушеский быт черкесов — в поэме «Перед судом». Здесь же описан костюм пастуха.

Не отличаясь красотой, Между подругами порою Я будто поселял раздор! Иль так пленял их мой убор:	Рожок и шляпа полстяная, Тяжелый посох и сума,— Приволье с рабством совмещая, Сводить красавиц мог с ума?
---	--

Стихотворения Хетагурова «Мать сирот» («Сидзаргас»), «Песня бедняка» («Магуры зараг»), «Сердце бедняка» («Магуры зарда») и многие другие — знакомят нас с дореволюционным бытом горцев-бедняков. С чудесным поэтическим мастерством и большой человечностью описал Коста в стихотворении «Мать сирот» незабываемую картину у очага в глухую зимнюю ночь. На окраине горного аула, в заброшенном хлеве, приспособленном под жилье, у дымного очага сидят полуголые, голодные дети-сироты. На огне закипает котелок. Мать, чтобы убаюкать детей надеждой на предстоящий ужин, пошла на обман — вместо обещанной фасоли в котелке варились... камни. Усталые, измученные дети, не дождавшись ужина, засыпают.

Мама, что же, где похлебка? Ты сними ее с огня... «Погодите, вот поспеет, Все получают от меня». Но и эти сном забылись, Перестали слезы лить... Мать спешит, полна заботы, Их лохмотьями прикрыть.	И у ног малюток спящих, Обессилев, села мать И потока слез горючих Не могла уже сдержать. В котелке варились... камни, Куча мелких голышей,— А они чего-то ждали С верой детскою своей.
--	--

(Перевод Л. Кипиани).

<sup>13</sup> К. Хетагуров, Кубады, «Осетинская лира», Перевод П. Панченко, М., 1939.

<sup>14</sup> К. Хетагуров, Пастух, «Осетинская лира», Перевод Б. Иренина, М., 1939.

<sup>15</sup> Къоста. Уацмысты аххаст амбырд. I т., М., 1939, стр. 190.

В стихотворении «Песни бедняка» («Магуры зараг») Коста с болью противопоставляет:

У людей — красивые дома,  
В них светло, уютно, не сквозит,  
А у нас — пещеры, холод, тьма,  
Дети плачут, ползая в грязи.  
У людей — бараньих туш ряды,  
Сало каплет с потолка в золу,

А у нас, как призраки беды,  
Гнезда вьют нетопыри в углу.  
У людей — несметный урожай,  
Год мели — все будет хлеба впрок,  
А у нас — ложись да помирай:  
Ячменя на всех один совок.

(Перевод П. Семинина)

В своих статьях и стихах Хетагуров выступает в защиту прав народа на землю, изобличает местных помещиков и царизм в захвате народной земли. Безземелье горцев поэт описал в своих произведениях «Додой» (Горе), «Друзьям-приятелям», «Кто ты?», в статье «Внутренние враги» и др. Поэт — революционный демократ призывал народ к борьбе с самодержавием и эксплуататорами. Лучшие произведения поэта, его революционные стихи «Додой» («Горе»), «Катай» («Тревога»). «Балции зараг» («Походная песня») и др., стали боевыми песнями осетинского народа в революцию 1905 г. и в Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

К. Хетагуров выступал защитником не только осетинского, но и других кавказских народов. Их революционную борьбу против самодержавия Хетагуров неразрывно связывал с русским революционным движением, являясь последователем великих русских революционеров-демократов — Чернышевского, Добролюбова.

В художественных произведениях и этнографическом очерке, а также в газетных статьях Коста описал обычаи осетин, связанные с рождением ребенка и воспитанием его, свадебные обряды, семейный быт. Для этнографа весьма ценны описания старст (посещения женихом дома невесты) и предбрачного дара невесте ее родными, сообщающие интересные данные о браке в родовом обществе.

Хетагуров описал древнюю родовую форму обычая старст, сохранившегося еще в XIX в. в Нарской котловине Алагирского ущелья. Старст (посещение) состоял в том, что жених с его свитой из родственников и друзей приезжал в дом невесты, где их торжественно принимали и угощали. После угощения сопровождавшие жениха лица уезжали, а жених оставался в доме невесты. «С этого дня жених остается в доме невесты от двух до четырех недель, где за ним ухаживают, как за родным сыном. Шьют ему шапку, черкеску, ноговицы и чувяки. Во время своего пребывания в доме тестя, жених должен во всей полноте обнаружить все свои достоинства, ловкость, вежливость, словом все, что нужно для того, чтобы произвести самое лучшее впечатление»<sup>16</sup>.

Обычай пребывания жениха в доме невесты являлся не чем иным, как пережитком весьма древнего матрилокального брака, когда муж переходил жить в род жены. В патриархальном роде этот обычай, пережиточно существуя, имел уже другое содержание.

«Старст» в переводе означает — разведка, исследование. В патриархальном обществе этот обычай являлся проверкой чужеродца родными невесты. Пребывание жениха в доме невесты иногда было связано с отработкой ирада (калыма) за невесту. В начале XX в. этот обычай изменился. Посещение женихом дома невесты стало носить характер кратковременного визита. Называлось оно теперь сияхсы-цыд (приход зятя). За несколько дней до свадьбы жених, собрав свиту из 10—20 и

<sup>16</sup> К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 23.

более человек, приезжал в дом невесты. Здесь устраивалось угощение танцы. После пирушки гости с женихом возвращались во-свося.

Любопытные сведения сообщает Коста о предбрачном даре невест в Нарской котловине. «За неделю до свадьбы, прикрыв голову и лицо куском красного сукна, невеста в сопровождении родственницы целую неделю обходит аулы. По красному сукну на голове нетрудно узнать девушку накануне вступления ее в новую жизнь. Каждый делает ей посильный подарок с лучшими пожеланиями. Наконец, наступает день свадьбы»<sup>17</sup>.

В патриархально-родовом обществе смотрели на девушку как на общую собственность рода. Выдача ее замуж происходила с общего согласия старших мужчин рода. Во всех свадебных обрядах участвовал весь род. В случаях похищения девушек мстителями за нанесенное роду оскорбление выступали все родичи. С распадом родового строя сохранились пережитки этих обычаев.

В описанном поэтом «предбрачном даре невесте» следует видеть участие сородичей в снабжении девушки приданым перед ее уходом в чужой род. Аулы, которые обходит невеста, родственные, а в прошлом — родовые поселения.

Из расспросов стариков Куртатинского и Алагирского ущелий автором этой статьи выяснилось, что оба эти обряда им неизвестны, следовательно, перестали бытовать уже в конце XIX в.

В газетной статье «Владикавказские письма» (о борьбе с калымом и народными обычаями), а также в этнографическом очерке «Быт горных осетин» Хетагуров указывает на сословный характер ирада (калыма) в классовом обществе. «Всяк сверчок, знай свой шесток» — вот принцип, которым руководствовались ироны при спаривании своих детей. Ирад (калым) был мерилем качества крови. Раз установленный, его нельзя было изменять произвольно. Принимая за единицу ценности корову, размер его в одной фамилии был не более 30, тогда как в других достигал 100 коров»<sup>18</sup>. В очерке «Быт горных осетин» Хетагуров приводит перечень привилегированных фамилий Нарской котловины, которые брали ирад в 100 коров. Коста при этом замечает, что «ирад остальных фамилий не ниже 25 и не выше 30 коров».

Хетагуров выступал против вредных родовых обычаев — ирада, поминок, кровной мести, но указывал, что борьбу с этими обычаями надо вести умело: «Нельзя одним росчерком пера уничтожить то, что создавалось и поддерживалось веками»<sup>19</sup>.

В середине 90-х годов XIX в. часть интеллигентных осетин начала борьбу с этими вредными обычаями, но это полезное дело проводилось неумело. Вместо длительной культурно-просветительной работы стали поспешно выносить общественные приговоры, запрещающие кровную месть, ирад и пр. Такие приговоры нередко очень скоро нарушались. Кроме того, противники старины иногда вступали в сотрудничество с царской администрацией, которая стала применять свои меры — штрафы и репрессии. В статье «Владикавказские письма» Хетагуров клеймит таких «передовых» осетин и указывает, что борьбу с вредными обычаями надо вести путем уничтожения сословной дифференциации, просвещения народных масс и установления равноправия мужчины и женщины, а не административным вмешательством. «До тех пор, пока в понятии ирона будет иметь место алдар (господин) и кавдасард (сын рабыни), до тех пор он не может представить себе другого мериле для сравнительной оценки качества своих и своего соседа, как калым дочери

<sup>17</sup> К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 23.

<sup>18</sup> Коста. Публицистика. Орджоникидзе, 1941, стр. 75—76; Статья «Владикавказские письма» (О борьбе с калымом и вредными народными обычаями) опубликована в газете «Северный Кавказ», № 36, 1896.

<sup>19</sup> Там же.

и возмездие за кровь сына. А пока осетин глубоко верит, что каждый покойник на том свете нуждается в пище и питье, и что священная обязанность родственников покойного доставлять им эти предметы потребления, до тех пор невозможно сознательное уничтожение в народе «суеверных» и «разорительных» поминок. Добиваться же этого посредством штрафов и бессмысленно, и жестоко, потому что, во-первых, это озлобляет фанатиков и заставляет их прибегать к тайному совершению обрядов и, во-вторых, изобличенных в нарушении приговора разоряет вдвойне».

В древнеязыческой религии осетин большое место занимал культ предков. Погребальные и поминальные обряды были связаны с верой в загробную жизнь и имели в патриархально-родовом обществе общеродовой характер. В XIX в. погребальные и поминальные обряды, хотя и отражали смесь древних обрядов с позднейшими наслоениями христианства и магометанства, но в основном продолжали сохранять свои древнеязыческие черты. Забота о снабжении умерших пищей, питьем и одеждой лежала в основе этих обрядов, выполняемых неукоснительно. Они ложились тяжелым бременем на крестьянское хозяйство и нередко приводили его к разорению. В творческом наследстве поэта и эта сторона быта осетин нашла свое отражение. Прекрасная по форме, интересная по содержанию поэма «Уалмардты» (На кладбище) целиком построена на этнографическом материале. В ее основу положена речь посвяtitеля коня (бахфалдисага) над трупом умершего. Поэма начинается описанием похоронных обрядов осетин, сохранявших старые родовые традиции.

Как нигде, у нас на похороны сходятся...  
 Нынче места повернуться не находится,—  
 Старый, малый в сборе.  
 Взгляд впервые это множество окидывал,  
 Горя общего такого я не видывал,  
 Всех селений горя.

(Перевод Н. Тихонова)

Затем описываются обычаи осетин одевать покойника в лучшие одежды. Если покойник беден, то одежду, оружие и коня для посвящения предоставляли родственники.

Бедняк при жизни не имел хорошей одежды, а теперь —

Нынче вся его одежда уж не так проста,  
 Тонкий стан его стянули, как невесты стан:  
 Всем снаряжен малый,  
 И поверх его нарядов — украшения.  
 Видел кто его в селе на удивление  
 С шашкой и кинжалом?

Для совершения путешествия в страну мертвых покойному нужен конь. В древности коня посвящали, убивая его на могиле. Со временем обряд изменился: коня в полном убранстве подводили к могиле и старец посвящал его покойному. К могиле бедняка, по обычаю, подведен конь.

Или разве он скакал сам-друг долиною  
 На коне ретивом?  
 Жеребенка в доме не было, и все же он,—  
 Даром сел, красивый, будто ожил он,  
 Конь же белогривый!

Старец приблизился к коню, взял уздечку в руки и начал свою долгую и красивую речь.

В ней было множество картин, описывающих загробную жизнь, грешники получают там наказания по заслугам.

Видишь, человек там, что в глубокой впадине  
Бездонной корзиной носит словно градины  
Гравий, — что он делал?

— Он между соседскую резал меркой тощю,  
Ложной мерой мерил земли своей общины,  
Клялся еще смело.

Праведники, по народным представлениям, наслаждаются вечным блаженством в загробной жизни:

Но сейчас отправимся в край, что лучше этого,  
Муж с женою рядом сели, разодетые,  
За трапезой мирной,  
Стол большой пред ними гнется весь от кушаний  
От напитков разных, от супов искуснейших  
Да рассолов жирных.  
Чесноком и луком все это приправлено,  
Сколько бы ни съели — столько вновь поставлено,  
Стол лишь тяжелее —  
— Что это за чудо? Раздавали бедные  
Свой чурек, добытый на копейки медные,  
Людам, не жалея.

В похоронных обрядах осетин большое место занимало оплакивание. По народным представлениям, слезы облегчают судьбу покойника на том свете, поэтому для оплакивания сходились ближние и дальние родственники и знакомые. В Нарской котловине (да и во всей Осетии) этот обряд совершался так: «По мере скопления народа все должно делаться в установленном порядке. Женщины становятся вереницей около покойника и в такт бьют по щекам, приговаривая: «да-дай, да-дай». Затем одна из женщин нараспев приговаривает, а все другие отвечают ей хныканьем и истерическим плачем. Мужчины собираются на дворе и также имеют свой установленный порядок для выражения скорби. Они попарно приближаются к хадзару с изготовленными для этого обряда плетями и, переступив через порог, бьют себя этими плетями через голову по голой шее. Выходя, они передают плети другой паре и т. д. Мало знакомые с домом покойного выражают свое соболезнование более просто: с опущенной головой и руками они тихо вступают во двор покойника и, простояв с минуту неподвижно, делают левой рукой печальное приветствие. Их благодарят, и они примыкают к общей массе»<sup>20</sup>. Обряд оплакивания и народные воззрения на него описаны Хетагуровым в стихотворении «Ана-хай» (Без доли), «Уалмардты» («На кладбище») и других.

В своих стихотворениях, публицистических статьях и этнографическом очерке Коста неоднократно останавливался на разорительности поминок, строго соблюдавшихся осетинами. Выше приведены мнения поэта о поминках в его «Владикавказских письмах», в поэме «Кто ты?». В стихотворении «Знаю» («Зонын») поэт отмечает, что поминальные обряды совершаются только потому, что этого требует веками сложившийся адат.

Знаю, притворно поплавав,  
Справят обряд похорон.  
Скажут: — Покой его праху!  
Только лишь маялся он!

<sup>20</sup> К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 32.

К тризне заколют скотинку,  
 Чтоб не постылся народ.  
 Память мою на поминках  
 Друг аракою запьет.

(Перевод Д. Кедрина)

В своем этнографическом очерке К. Л. Хетагуров отмечает, что поминки устраиваются настолько роскошно, что иногда приводят к полному разорению. «Зарезать, например, в один день до 30 голов рогатого скота, до 150 баранов, сварить 500 ведер пива и до 100 ведер араки, испечь до 3000 пшеничных хлебов,— было нелегко в Нарской котловине. Однако некоторые фамилии не задумывались над этим». Здесь мы видим участие в поминках целой фамилии.

В произведениях Хетагурова описывается кровная месть, сохранявшаяся у кавказских горцев в пережиточной форме. Относительно происхождения кровной мести в дореволюционной русской и иностранной литературе преобладали необоснованные теории религиозного происхождения мести (Фюстель де Куланж, М. М. Ковалевский и др.) и теория, выводившая кровную месть из инстинкта мстительности (А. Г. Пост, И. А. Малиновский и др.). Социально-экономическая сущность кровной мести была разъяснена классиками марксизма. Энгельс указывает, что кровная месть возникла в условиях первобытно-общинного строя на основе кровнородственных связей и коллективного хозяйства рода как самозащита суверенных родов. Материалистически объясняя происхождение правовых институтов, в том числе и кровной мести, марксизм не отрицает обратного воздействия, оказываемого идеологией, и в частности, религией на различные стороны жизни. Хетагуров в своем этнографическом очерке, давая объяснение кровной мести, правильно сумел подойти к вопросу. Он приводит пример весьма распространенного повода к мести. Из этого примера видно, как реальные социально-экономические причины мести переплетались с религиозными верованиями. В условиях родового строя кровная месть могла быть перенесена на любого, совершенно невинного сородича виновного. Пережитки этого положения сохранились и в XIX в. Хетагуров указывает: «Отомстить за кровь или, как говорят осетины, взять свою кровь, вовсе не значит убить самого убийцу, который мог быть хромым, косым, горбатым или старым: нужна жертва, если не большая, то по крайней мере равная ее потере. Вот почему вся фамилия такого убийцы попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались; пашни и сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными; хлеб, если он еще был на корню, выкашивался или вытаптывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки»<sup>21</sup>. Хетагуров здесь (и в других произведениях) показывает, каким злом являлась кровная месть, приводившая к разорению и обнищанию обеих враждующих сторон.

По обычному праву осетин, кровная месть не могла быть перенесена на женщину. Женщины часто выступали примирительницами враждующих. Хетагуров отмечает, что, когда мужчины вынуждены были записаться от кровников в башни, положение спасали женщины, работавшие и за себя, и за мужей. Кроме того, «женщина вообще была якорем спасения как для своих, так и для посторонних. В ее присутствии убийца мог не бояться за свою жизнь». В вооруженных столкновениях кровников «женщина в трауре была настоящим талисманом — стоило ей только в самый разгар кровопролития войти в толпу ожесточенных врагов, как все расступались, вкладывали окровавленные шашки в ножны и расходились»<sup>22</sup>.

<sup>21</sup> Там же, стр. 35—36.

<sup>22</sup> Там же, стр. 36.

Согласно алату, чтобы избежать столкновения кровников, посредники сейчас же после убийства определяли и объявляли сторонам, кому из них по каким дорогам можно ездить и по каким — нельзя. Это отмечено Хетагуровым в его поэме «На кладбище».

Ты прискачешь и увидишь трехдорожне;  
 Не прельстися нижней, широко проложенной:  
     Кровников дорога.  
 Не прельстися верхней — та ведет ко мстителям.  
 Конь твой выбрал среднюю — и по ней пусти его,  
 Это путь твой строгий!

В условиях феодализма при уплате кровного выкупа строго соблюдался сословный принцип. «Цена крови» феодалов и старшин во много раз превышала «цену крови» зависимых сословий. Описывая примирение кровников, Хетагуров отмечает: «Самая кровь имела строго определенную ценность. Кровь наиболее почетных фамилий ценилась 18 × 22 коров. Кровь влиятельных фамилий оценивалась в 18 × 20, фарсаг — 18 × 15; для кавдасарда не было установлено никакой ценности да и убить его никому не было охоты»<sup>23</sup>. «Если преступление было совершено чужим оружием, то владелец оружия отвечал уплатой 18 коров».

Для закрепления состоявшегося примирения кровников два ранее враждовавших рода заключали брачный союз. Хетагуров приводит описание обычая «кровных свадеб». «Надо было враждовавших, насколько возможно, гарантировать от столкновений и на будущее время. Для этого старались породнить их посредством брака, выдав ближайшую родственницу убийцы за такого же родственника убитого».

Гостеприимство кавказских народов общеизвестно. Истоки гостеприимства следует искать в родовом быте. Род, принимая гостя, принимает его как представителя другого суверенного рода, и брал на себя ответственность за него перед его родом. Каждый род, принимавший гостя, знал, что его члены, оказавшись в пути, также будут нуждаться в гостеприимстве и покровительстве чужих родов. Немалую роль в распространности гостеприимства играли и условия натурального хозяйства. С распадом родового строя гостеприимство продолжает оставаться одной из сторон быта кавказских горцев.

Хетагуров пишет: «Всякий осетин и вообще горец, не нарушая правил гостеприимства, принимает путешественника очень любезно и по мере сил и возможности делает все, чтобы только угодить ему. Но вместе с тем он всячески старается, чтобы никто не заглянул в сферу его семейного и общественного быта. «Гость — божий гость», говорят осетины. И действительно, при наших путях сообщения и всемерном разбое, попасть из одного ущелья в другое — равносильно явлению с небес»<sup>24</sup>. Другая сторона, подчеркнутая автором, — это особенность патриархально-родового замкнутого строя семьи. Горец, создавая все необходимое для достойного приема гостя, не вводил его в свою семью, а старался, как подчеркивает Хетагуров, чтобы никто не заглянул в его семейный быт. С этим был связан и характер горского жилища. Во многих домах строилось особое помещение для гостей — кунацкая, что поотдаль от жилого помещения. В ней имелось все необходимое для гостя: постель, мебель, медный таз, кувган и т. д. Упоминания о подобных кунацких мы встречаем в ряде произведений поэта. Описывая один из горных осетинских аулов, он пишет:

<sup>23</sup> К. Хетагуров, Быт горных осетин, стр. 37.

<sup>24</sup> Там же.

Тревожна жизнь, мятежно счастье,  
 Но странник в бурю, дождь и снег,  
 В часы осеннего ненастья,—  
 ● Найдёт у него участие,  
 Привет радушный и ночлег...  
 Мхом заросла тропа крутая,  
 И от аула нет следа,  
 А в нем богатая, большая  
 Была кунацкая тогда <sup>25</sup>.

Не каждый дом мог строить особую кунацкую для гостей,— бедняки были лишены этой возможности. Но каждый дом по мере своих сил соблюдал адат гостеприимства. В поэме «Фатима» Хетагуров описывает гостеприимство крестьянина-бедняка:

Приветливо зовет и манит  
 Прохожего усталый взор  
 Их сакля прихотью воздушной.  
 Всегда готов прием радушный;  
 Всегда есть пенящийся рог  
 Густого пива и пирог <sup>26</sup>.

Хетагуров отмечает еще одну особенность гостеприимства в горах Осетии. Гость настолько почитаем, что встречает и принимает его старший в доме <sup>27</sup>. «Перед домом, в который вы получили приглашение войти, встречает вас старейший член семьи и вводит вас в узагдон» <sup>28</sup>.

Придавая большое значение изучению Кавказа, Хетагуров внимательно следил за появлявшимися в печати этнографическими описаниями Кавказа. Всякое искажение фактов, поверхностное и недобросовестное описание вызывали его протесты. В 1901 г. в газете «Северный Кавказ» (№ 72) напечатана рецензия К. Хетагурова на учебник географии России, составленный М. Мостовским. В этой рецензии Хетагуров подвергает критике неверные положения автора. Он критикует антинаучную «теорию» предшественников фашизма, немецких «ученых» К. Гана и Гакстаузена, заимствованную у них М. Мостовским, о том, будто осетины имеют «по физиономии, языку и образу жизни большое сходство с германскими народами». Отвергая эту теорию, Хетагуров писал: «Сходство осетин с германскими народами, по физиономии, языку и образу жизни — это уже отжившее свой век заблуждение». Для Хетагурова, как и для всякого, научно подходящего к вопросу об этнической принадлежности осетин, не подлежало сомнению, что осетины относятся к древнейшему коренному населению Кавказа, к кавказскому яфетическому миру и ни по языку, ни по антропологическому типу, ни по культуре не имели и не имеют ничего общего с германцами. Хетагуров критикует М. Мостовского и за то, что он сообщает неверные сведения о географии Кавказа, причисляя весь Кавказ к Азии, а также за то, что он неправильно описывает расселение кавказских народов.

Уничтожающей критике подвергает Хетагуров «этнографические наблюдения» А. Н. Дьячкова-Тарасова, совершившего со своими учениками из Екатеринодарской гимназии путешествие по Кавказу <sup>29</sup>. Хета-

<sup>25</sup> К. Хетагуров, Плачущая скала (осетинская легенда), «Осетинская лира», М., 1939, стр. 171—172.

<sup>26</sup> К. Хетагуров, Фатима (кавказская повесть), «Осетинская лира», М., 1939, стр. 201.

<sup>27</sup> К. Хетагуров. Быт горных осетин, стр. 30.

<sup>28</sup> Узагдон — гостинная, кунацкая.

<sup>29</sup> А. Н. Дьячков-Тарасов. В горах Большого и Малого Карачая (Путешествие 26 учеников Екатеринодарской гимназии). Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 28, 1900.

гуров высмеял Дьячкова-Тарасова за искажение действительности и неверное описание, а также за то, что он не потрудился сам ознакомиться с описываемыми им фактами, а черпал свои сведения из уст приставов, старшин и писарей<sup>30</sup>. Так, ногайцев, населявших Мансуровский аул, он превратил в абазинцев, получив эти сведения от помещика атамана станицы Белореченской.

Приведя ряд подобных ошибок, Хетагуров заключает: «Придавать таким прогулкам научное значение бессовестно! Все свои научные сведения они черпают из уст приставов, старшин и писарей, которые к людям относятся только, как к номерам исходящих и входящих журналов».

Коста Хетагуров был большим знатоком и ценителем осетинского фольклора. Многие произведения поэта были написаны им на основе осетинских народных мифов, сказок, песен. В. И. Абаев справедливо писал: «Такие мастерские обработки народных мифов, сказок, басен, как «Фсати», «Ласкдзаран», «Редька и мед» и пр., относятся к лучшим его произведениям. Поэтические создания народа в его руках получали настолько совершенную, чеканную форму, что, возвращаясь в народ, они вытесняли народные варианты, так что позднейшие собиратели находили их уже только в той форме, в какую их отлил гений Коста. Так случилось, например, с охотничьей песней «Фсати»<sup>31</sup>.

В Осетии широко распространена охотничья песня «Афсати Зараг» (Песня Афсати или Всати). В основу ее положен миф о боге зверей — покровителе охоты и охотников Афсати. Как указывает академик Н. Я. Марр, Афсати — общее для всех яфетических народов божество охоты (сванское Апсат, осетинское — Афсати и т. д.)<sup>32</sup>.

На основании этой народной песни «Афсати Зараг» Хетагуров написал на осетинском языке стихотворение «Всати», ставшее в свою очередь народной песней. Он рисует мифического бога охоты Афсати старцем, живущем на одной из самых высоких гор в ледяной палате. Ложе его и скамья из оленьих рогов, а стол — из хрусталя. Всати дремлет, около него семь слуг отгоняют мух, а другие семь готовят ему шашлык на завтрак. Всати слышит песню охотников и посылает слугу посмотреть, кто эти охотники, просящие у него в ритуальной песне удачи в охоте. Слуга подошел к краю бездны и, рассмотрев поющих, доложил:

«Вижу в отдаленьи  
Всадников лихих.  
Просят, чтоб оленя  
Выпустил на них.  
В золоте их ружья,  
Кони их стройны.

Выслать им на ужин  
Что-нибудь должны!»  
«Дурень! — крикнул Всати, —  
Веришь этой лжи?  
Им у бедных крадет  
Скот Уастырджи!»<sup>33</sup>.

(Перевод В. Брика)

Отказав богачам, Всати вновь задремал. К вечеру он снова слышит пение охотников; на этот раз поют бедняки и тоже просят удачи в охоте. Всати дарует им эту удачу и приглашает их к себе.

Солнце на закате.  
Песню вновь слышать, —  
Посылает Всати  
Юношу опять.  
На челе утеса  
Бедняки сидят.

Слух многоголосой  
Песней веселят.  
«Урайда, Всати!  
Вышли нам обед!  
Спереди и сзади  
Огляди хребет!

<sup>30</sup> «Гартарен», Фельетон в газете «Северный Кавказ», № 53 от 5 мая 1901 г. за подписью Нарон.

<sup>31</sup> В. Абаев, К. Хетагуров — народный поэт Осетии. Журнал «Звезда», № 9, 1939, стр. 154.

<sup>32</sup> Н. Я. Марр, Фрако-армянский Sabadios — aswat и сванское божество охоты, «Известия Российской Академии Наук», 1912, № 13, стр. 892.

<sup>33</sup> Уастрджи — св. Георгий, по осетинской мифологии — бог, покровитель мужчин.

Угости нас, Всати,  
 Покровитель наш!  
 Спереди и сзади  
 Осмотри ты кряж!  
 На ногах арчиты  
 Стянуты ремнем,

Наголо побриты  
 Головы серпом . . .»  
 «Гей! Без промедленья  
 Пригласи их в дом,  
 Вышли им оленя  
 И служи во всем!»

В басне «Редька и мед», записанной по народным вариантам самим Хетагуровым, он дает поэтическую обработку осетинского варианта этого сюжета, сходного с русским — «Я с медом хороша». Одновременно поэт приводит перечень осетинских национальных блюд, — праздничных шашлыков и пирогов с сыром (хабижджин) и блюд, мало известных сейчас, а в прошлом составлявших обычную пищу бедняка-горца: задын — ячменные лепешки, хамыс — кушанье из сыра и муки, бламык — холодное кушанье из муки и солода.

В другой басне «Лиса и барсук» («Рувас ама Зыгараг») поэт дает осетинскую трактовку лисьей хитрости и лицемерия: барсук и лиса ненавидят друг друга, ибо их интересы сталкиваются при поисках добычи, но при встрече они лицемерно рады друг другу.

Если же где-нибудь вдруг встречаются  
 Многим на диво —  
 Словно родные, друг к другу ласкаются  
 Нежно, игриво.

(Перевод С. Олендера)

Мы далеко не исчерпали всей темы об этнографизме в творчестве Коста Хетагурова. Во многих своих художественных произведениях и статьях он дает обстоятельные описания материальной культуры осетин и других горцев Кавказа — их хозяйства, сельскохозяйственных работ и орудий, национального костюма, обрядов и других сторон народной жизни. Творчество К. Л. Хетагурова является ценным источником для каждого этнографа-кавказоведа.